

Новое произведение М. Горькаго.

(Сборник товарищества „Знание“ за 1908 г. книга 23)

Тяжелое время пришлось пережить М. Горькому, как писателю. Въ то время, когда ему пришлось удалиться съ родины, когда его сердце особенно жаждало, въбродно, сочувствія и привѣта, ему пришлось констатировать совершенно обратное. Началось быстрое паденіе его рѣдкой популярности. Новыя произведенія его встрѣчались равнодушно или съ порицаніемъ, а затѣмъ стали отрицать достоинства и за его прежними произведеніями.

Какъ глубоко было это паденіе популярности М. Горькаго, можно видѣть, напр., по недавно вышедшей книжкѣ г. Александровича: „Послѣ Чехова“ (изданіе „Основы“). Въ ней о литературной дѣятельности Горькаго говорится:

Все его творчество, вплоть до упадка популярности, прошло какъ бы впустую, и чѣмъ дальше творилъ онъ, тѣмъ больше уходилъ отъ современности. Въ семь томовъ его произведений, равно какъ и семь томовъ Чирикова, сдѣлали слишкомъ незначительный вкладъ въ русскую литературу, несмотря на подавляющую плодovitость обоихъ писателей. Оба приняты въ марксистскихъ кругахъ съ распростертыми объятіями, они слишкомъ быстро исписались и вошли со сныи раньше, чѣмъ этого можно было ожидать.

Такой отзывъ—это въ нѣкоторомъ родѣ отходная, которую г. Александровичъ, пожалуй, напрасно поторопился прочесть. *) Какъ бы ни относиться къ прежнимъ произведеніямъ Горькаго, нельзя не признать, что они имѣли большое вліяніе и на литературу, и на общество, и если его успѣхъ объяснять особенностями момента, то вѣдь надо что-либо оставить и на долю большого таланта.

Что особенности момента заслоняли многие недостатки первыхъ произведеній Горь-

каго—это несомнѣнно. Подъ вліяніемъ стремленія къ сильнымъ, протестующимъ типамъ, не замѣчали въ этихъ произведеніяхъ ни дешеваго байронизма, подкрашивающаго и перекраивающаго дѣйствительность, ни большого недостатка мѣстами вкуса, ни внѣшнихъ шероховатостей ихъ. Толпа подхватила ихъ и вознесла высоко, заставивъ умолкнуть критику.

Зато, когда прошелъ періодъ увлеченія, когда оно перестало заслонять недостатки произведеній М. Горькаго, съ тѣмъ большею яростью набросились на нихъ. Авторы, какъ большой умъ и большой талантъ, самъ не могъ не почувствовать недостатковъ своихъ прежнихъ произведеній, а потому не могъ защищаться и противъ нападокъ на нихъ.

Онъ самъ уже пережилъ юношескій періодъ своего творчества, Sturm und Drang Periode, и искалъ новаго пути. И такъ какъ это было пока только исканіе, то новыя его произведенія были лишены необходимой свободы творчества, уступая въ этомъ отношеніи прежнимъ. Таковъ большой романъ „Мать“, отличающійся уже серьезнымъ отношеніемъ къ жизни, чуждый прежняго поверхностнаго байронизма, но лишенный свободнаго творчества, яркихъ красокъ первыхъ произведеній Горькаго. И разсматривая этотъ романъ, критики уже говорили объ „упадкѣ таланта“.

Такъ ли это? Упадокъ ли это, или же только перевоплощеніе, исканіе новыхъ путей? Что вѣрно скорѣе послѣднее, объ этомъ свидѣтельствуетъ новое произведеніе М. Горькаго: „Исповѣдь“, помѣщенное въ послѣдней книжкѣ „Знанія“. Въ яркости оно не уступаетъ прежнимъ произведеніямъ М. Горькаго, выдержанностью формы несомнѣнно превосходитъ ихъ, а по содержанию очень далеко отъ преяго его байронизма или нищенства. Оно далеко и отъ матеріалистическаго міросозерцанія марксизма, которое, впрочемъ, всегда было чуждо натурѣ М. Горькаго.

Въ газетахъ писали, будто Горькій въ этомъ произведеніи рисуетъ свою собственную жизнь. Это совершенные пустяки—въ жизни героя повѣсти нѣтъ ничего взятаго изъ жизни самого Горькаго. И если это произведеніе исповѣдь и автора, то раз-

*) Не только относительно Горькаго, но и относительно г. Чирикова, который едва ли исписался, а его драма: „Колдунья“ по казывается, что онъ способенъ идти и впередъ. Не нужно только предъявлять слишкомъ большихъ требованій.

въ въ томъ смыслѣ, что въ немъ онъ выражаетъ тѣ задушевные взгляды, къ которымъ онъ пришелъ теперь. И эти взгляды настолько новы въ развитіи Горькаго, что между новымъ его произведеніемъ и повѣстью „Трое“, которой его уподобляли иные въ печати, цѣлая пропасть.

На манерѣ въ какой написано новое произведение М. Горькаго, на его внѣшней формѣ сильно отразилось влияние Лѣскова, преимущественно его разсказа: „Очарованный странник“. Говоримъ это не въ осужденіе М. Горькому, а лишь констатируя фактъ его большой впечатлительности, которую можно прослѣдить вообще въ его произведеніяхъ. На нихъ сказалось и влияние Байрона, и влияние Толстого, и влияние Чехова, и Короленко, и теперь влияние Лѣскова, хотя Горькій очень искусно претворяетъ и уславиваетъ эти разнообразныя влияния. Въ новомъ его произведеніи чувствуется лѣсковскій тонъ, оно также богато „выдумкой“, разнообразными приключеніями (иногда и рискованными, какъ у Лѣскова), хотя въ произведеніи Горькаго тонъ, пожалуй, больше выдержанъ, художественнѣе, произведение вообще идейнѣе, но въ немъ нѣтъ того прянаго, вѣдкаго юмора, который оживляетъ произведенія Лѣскова.

Герой произведенія Горькаго, это имени котораго ведется разсказъ, какъ „очарованный странник“, бродитъ по свѣту, отыскивая Бога, стремясь познать истину и правду, что, замѣтимъ, очень характерно для русскаго произведенія. Кстати, содержаніе повѣсти не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ пересказомъ ея, который появился въ *Раннемъ Утрѣ* и былъ перепечатанъ у насъ. Невѣрно также писали, что въ этомъ произведеніи изображается бытъ монаховъ. Бытъ этотъ въ произведеніи вещь второстепенная, и не въ немъ суть. Онъ понадобился лишь для изображенія распада прежнихъ религіозныхъ вѣрованій на фонѣ созданія новыхъ. Въ прежнихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а отсюда и въ монастырѣ,—ищетъ герой отвѣта на запросы своей души, жаждущей вѣры, ищетъ и не находитъ, встрѣчая всюду распадъ религіозной мысли, пока не замѣчаетъ, что въ лабораторіи народной мысли вырабатывается по-

вый религіозный синтезъ, захватывающій его.

Чтобы видѣть, какое важное значеніе придаетъ теперь Горькій религіозному міросозерцанію, нужно перечитать все его произведение, проникнутое исканіемъ новой вѣры. И авторъ, устами своего героя и друзей его, соединяетъ это исканіе Бога съ освобожденіемъ людей отъ земныхъ путей, опутавшихъ ихъ душу. „У рабовъ никогда не было Бога,—говоритъ одинъ изъ героевъ разсказа,—они обоготворяли человеческій законъ, внушенный имъ, и во вѣки вѣковъ не будетъ Бога у рабовъ, ибо Онъ возникаетъ въ пламени сладкаго сознанія духовнаго родства каждаго со всеми“. И эта мысль о необходимости душевнаго единенія людей, при которомъ Богъ правды и истины возникаетъ въ душѣ ихъ, проходить черезъ все произведение Горькаго, въ которомъ эта мысль проводится робко и неуверенно при своемъ возникновеніи—на первыхъ страницахъ повѣсти, но затѣмъ все ширится и крѣпнѣетъ, захватывая душу читателя.

Смыслъ произведенія—это обоготвореніе жизни, сливающейся въ общей любви въ одну душу—въ стремленіи къ какой-то единой, непонятой пока людямъ цѣли. Этотъ взглядъ на жизнь приближаетъ М. Горькаго къ Л. Н. Толстому, хотя у Горькаго, можетъ быть, та же мысль всеобщаго слиянія выражается пока въ нѣсколько болѣе материалистической формѣ, чѣмъ у Толстого, въ смыслѣ обоготворенія самаго духа человѣческаго, тогда какъ у Толстого всегда присутствуетъ мысль о силахъ и цѣли, лежащихъ внѣ человѣчества. Но это, такъ сказать, колеблющіяся отбѣны мысли, а результатъ тотъ же—проповѣдь любви и единенія.

Какъ мы уже сказали, съ внѣшней стороны произведение М. Горькаго написано прекрасно. Читается оно съ большимъ интересомъ, увлекаетъ, и на каждомъ шагѣ возникаютъ живыя, мастерски нарисованныя фигуры, которыхъ какъ будто видишь передъ собою. Живая фантазія Горькаго, по своему богатству, очень напоминаетъ фантазію Лѣскова, который часто даже слишкомъ разбрасывался, не умѣя себя ограничить, взять въ руки, увлекаемый бо-

гатствомъ своей "выдумки". Отчасти это есть и въ произведеніи Горькаго, гдѣ встрѣчаются подробности рискованныя, мало правдоподобныя, какъ монахъ Антоній, о которомъ можно только развѣ сказать: „все бываетъ на свѣтѣ“, потому что нѣтъ никакого видимаго основанія жить ему въ монастырѣ, или монашенка Христа и другія, внушенныя отчасти „Декамерономъ“.

Впрочемъ, все это подробности, и несущественныя. Важенъ глубокій, прочувствованный смыслъ произведенія Горькаго указы-

вающій, что для него прошла пора юношескаго, опрометчиваго дерзновенія, а настала пора зрѣлой—мысли, сближающая его съ лучшими представителями русской литературы и главнымъ изъ нихъ—Д. Н. Толстымъ. На чужбинѣ, подъ вліяніемъ испытаній, постигшихъ его, окрѣпла и прояснилась его мысль, и это ярко сказалось на его новомъ, столь прочувствованномъ произведеніи. „Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куесть булатъ“.

А. Уманьскій.